

**НИ ЗА ЧТО
НЕ
ИЗВИНИСЯ**

**Махмуд
Дарвиш**

Москва

УДК 821.411.21-1(569.4)
ББК 84(5Изр-6Пал)-5
Д20

Художественное оформление *С. Костецкого*
Издательство, редактор и переводчик выражают
благодарность Музею Махмуда Дарвиша в Рамалле
(Mahmoud Darwish Museum in Ramallah)
и лично Гасану Зактану (Ghassan Zaqtan)
за помощь в подготовке издания.

Дарвиш, Махмуд.
Д20 Ни за что не извиняйся / Махмуд Дарвиш ; [перевод с арабского К. М. Корчагина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 128 с. — (Поэзия мира. Звезды зарубежной лирики).

ISBN 978-5-04-210230-1

Книга знакомит русскоязычного читателя с поэзией Махмуда Дарвиша (1941–2008) — одного из самых известных палестинских поэтов, классика современной арабской литературы. На родине его стихи давно стали частью культурной памяти и общественного опыта. В сборник вошли тексты разных лет, в которых темы дома, борьбы, памяти и любви обретают удивительную ясность и внутреннее достоинство. Стихотворения публикуются в переводе Кирилла Корчагина.

УДК 821.411.21-1(569.4)
ББК 84(5Изр-6Пал)-5

ISBN 978-5-04-210230-1

© Дарвиш М. текст. 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Содержание

<i>От переводчика</i>	9
Удостоверение личности	27
<i>Одиннадцать звезд</i>	
<i>на последние провода Андалусии</i>	30
«В последний вечер на этой земле мы отрезаем»	30
«Как записать мне поверх облаков»	32
«За этим небом есть небо другое»	34
«И я один из царей завершения»	36
«В тот день я сяду на мостовой»	38
«Двулика истина, и черен снег над городом нашим»	40
«Кем я стану среди иностранной ночи?»	42
«Стань струной для моей гитары, вода»	44
«Вот великий исход, и я полюблю тебя больше»	46
«От любви я хочу только, чтобы она началась»	48
«Скрипки, плачут они с цыганами»	50
<i>Речь краснокожего (предпоследняя)</i>	
<i>в присутствии белых</i>	52
1. «Итак, мы те, кто мы есть»	52
2. «Белый господин не поймет древних слов»	53

3. «Имена наши — деревья божественных слов»	54
4. «Мы знаем, что эта красноречивая неясность»	56
5. «И мы прощаемся с нашими огнями»	58
6. «Долгое время проходит»	60
7. «Вот мертвые спят в построенных вами комнатах»	61
<i>По направлению ветра</i>	63
Крестьяне без изъянов	63
Среди чертополоха	65
Рифма для муаллак	68
<i>Постель чужеземца</i>	71
Низкое небо	71
Кто я без моего изгнания?	74
<i>Состояние блокады</i>	76
«Здесь, у склонов холмов, на закате»	76
«Вы, стоящие на ступеньках, входите»	77
«(Убийце)»	78
«(Другому убийце)»	79
«Если не смог стать дождем»	80
«Говорила мать: «Я сначала ничего»	81
«Эта блокада будет тянуться, пока мы»	82
«Мы здесь стоим. Мы здесь сидим»	83
«Я не люблю тебя. Я тебя не ненавижу»	84
«(Псевдоориенталисту)»	85
«Убитая, дочка убитой, дочка убитого»	86
«И наши беседы в кафе. И птицы»	87
«Родина на краю зари»	88

<i>Ни за что не извиняйся</i>	89
Один лишь свет	89
В Иерусалиме	91
Ты забыт, как будто ты не был.	93
«Он спокоен, я тоже»	95
Пока я жду	97
<i>Цветок миндаля</i>	99
Я сижу дома	99
Я не знаю этого человека	101
Описать цветок миндаля	103
Вторник, и воздух свеж	105
<i>Комментарии</i>	118

От переводчика

Махмуд Дарвиш — один из самых известных арабских поэтов и точно самый известный палестинский поэт. Почти в любом арабском городе можно увидеть его изображения — граффити на стенах, фотографии в кафе, многотомные собрания стихов и прозы в книжных, на обложках которых тоже, скорее всего, будет портрет поэта. Известен Дарвиш и далеко за пределами арабского мира: его стихи и проза переведены на многие языки, а иногда и не по одному разу. О нем снято несколько документальных фильмов, а в картине Жан-Люка Годара «Наша музыка» он появляется в роли самого себя. В самом центре Парижа на левом берегу Сены недалеко от Моста искусств небольшая площадь названа в честь поэта. Он не просто культурный герой: его стихи продолжают волновать и сейчас, причем уникальная особенность его поэзии в том, что к ней с одинаковым вниманием относятся и простые читатели, и интеллектуалы.

Будущий поэт родился в 1941 году в деревне аль-Бирва, расположенной в Западной Галилее, на севере современного Израиля и недалеко от границы с Ливаном. Его семья была довольно типичной для региона семей мелких землевладельцев, не очень образованных — эти места традиционно были довольно отсталыми: мать Махмуда, Хурия, была неграмотной и читать его научил дедушка (поэтическое воспоминание об этом можно найти в этой книге). В 1948 году, во время Арабо-Израильской войны, деревня была оккупирована израильскими войсками, и семья Дарвиша присоединилась к другим беженцам, бежавшим с охваченных войной территорий. Эти события в современной истории арабского мира известны под именем *Накба*, что в буквальном переводе значит «катастрофа»: по оценкам ООН, около миллиона палестинских жителей, говоривших по-арабски и чаще всего исповедовавших суннитский ислам, были вынуждены покинуть свои дома, чтобы рассеяться по окрестным государствам. Семья Дарвиша провела около года на территории Ливана, но, в конце концов, его отец Салим решает, что судьба вечного эмигранта не для него и возвращается в Западную Галилею.

За год успело многое произойти: израильское правительство произвело перепись арабского населения, а те, кто по тем или иным причинам ее

не прошел, не могли претендовать на израильское гражданство. У Дарвиша вместо паспорта было только удостоверение личности, где на двух языках — иврите и арабском — перечислялись его внешние приметы. Когда в 1968 году он полетит в Париж с этим сомнительным документом, французские пограничники не дадут ему разрешения на въезд. А за несколько лет до этого, в 23 года, он напишет свое самое известное стихотворение — «Удостоверение личности», где мытарства с паспортом станут основным сюжетом. Правда, изобразит он там не совсем себя: сохранившееся удостоверение личности Дарвиша говорит, что у поэта были голубые глаза, в то время как у героя стихотворения — карие. Но до этого еще далеко: на рубеже 1940—1950-х годов семья Дарвиша (у поэта было четыре брата и три сестры) обосновывается в деревне недалеко от портового города Акко, всего в 12 километрах от Аль-Бирвы, на месте которой уже был основан кибуц для переселенцев из Йемена, не готовых пустить прежних жителей обратно. Отец Дарвиша периодически предпринимал путешествия в те места, чтобы издали наблюдать за трудами и днями новых жителей деревни, иногда он брал с собой и Махмуда.

Маленький Махмуд с детства мечтал стать поэтом. Это может показаться странным для

русского читателя, которому поэзия нередко кажется чем-то необязательным или, хуже того, чем-то скучным из школьной программы. Не так в арабской культуре, где до сих пор поэтическое искусство остается одним из самых любимых, а лучшие арабские стихи — это своего рода зеркало, в которое смотрится весь арабский мир — мало в чем друг на друга похожий и мало в чем друг с другом согласный — и узнает там себя. Но это не значит, что юный Махмуд занимался одной лишь поэзией: когда ему исполняется двадцать лет, он вступает в Израильскую коммунистическую партию, одну из тех организаций, где евреи и арабы работали сообща, пока еще мечтая о едином Израиле, где бы ни один народ не угнетал другой. В следующие годы Дарвиш живет в Хайфе, одном из наиболее развитых городов Израиля, редактирует партийную газету, пишет для нее статьи и, конечно, публикует в ней стихи. Но отсутствие постоянного паспорта делало его положение шатким: поэта регулярно задерживала полиция — особенно когда в стране накалялась политическая обстановка и все палестинцы немедленно оказывались под подозрением. И под двойным подозрением те, у кого были проблемы с документами, тем более если они были связаны с коммунистической партией.

В эти годы поэту запрещалось покидать Хайфу без специального разрешения.

Поэтический успех впервые обрушился на Дарвиша, когда ему было 23 года — именно тогда появляется сборник стихов «Листья оливы» со знаменитым стихотворением про удостоверение личности. В 1967 году он оказывается под длительным домашним арестом, который только усиливает популярность. Но это год Шестидневной войны: молниеносная операция против коалиции арабских стран на Синайском полуострове сокрушила надежды окружающих Израиль арабских государств на реванш после войны двадцатилетней давности. Арабский национализм, до того момента только набиравший силу, подпитываясь харизмой египетского лидера Гамаль Абдель Насера, за неделю предстал политическим и моральным банкротом, и весь Ближний Восток был шокирован таким поворотом событий. Словно в противовес этому беспрецедентному общеарабскому провалу на палестинских территориях возникает консолидированное освободительное движение, голосом которого и становится поэзия Дарвиша.

Однако сам поэт в конце десятилетия переживает не самый простой период: устав от непрестанного полицейского давления, он решает радикально изменить свою жизнь и все же поки-

нуть Израиль. Как видно из истории с паспортом и неудачной поездкой во Францию, удалось ему это не сразу. В 1970 году, не попав на Запад, он отправляется на Восток — в Московский университет, где в течение года изучает политическую экономию, быстро, впрочем, разочаровавшись и в таком образовании, и в советском строе, что для молодого коммуниста, каким Дарвиш был в Хайфе, было вдвойне болезненно. Поэт вспоминал, что для него Москва была своего рода коммунистическим Ватиканом, однако, оказавшись там, он довольно быстро осознал, насколько далек реальный СССР от его фантазий.

Он предпринимает еще один решительный шаг и, оставляя Москву, отправляется в Каир — крупнейший город арабского мира, где еще ощущаются следы того культурного и политического подъема, который имел место при президентстве Насера, скончавшегося совсем незадолго до того в 1970 году. Дарвиш устраивается на работу в одну из старейших газет Египта «Аль-Ахрам» и вступает в недавно основанную Организацию Освобождения Палестины (ООП), лидером которой в те годы стал Ясир Арафат. С этой организацией были связаны многие военизированные группировки, ведущие непрестанную борьбу с Израилем отнюдь не мирными методами, и поэтому вплоть до 1993 года, когда между Израилем

и ООП не будет заключено мирное соглашение, организация и все ее члены оставались, с точки зрения Израиля, вне закона. Эта политическая коллизия закрыла Дарвишу въезд на родину на два с половиной десятилетия, и даже после того, как мирное соглашение было подписано, его не сразу пустили обратно. Тем не менее он старался находиться поближе к Палестине, подолгу бывая во всех окрестных странах, а невозможность пересечь заветную границу стала одной из главных тем его поэзии. Творчество Дарвиша стали настолько связывать с темой изгнания и ее поэтизацией, что в поздние годы он сам уже нередко посмеивался над этим, всем видом показывая, что любит и простые человеческие вещи — хорошую еду, красивую одежду, путешествия и комфорт (всем этим он, надо сказать, нередко раздражал старых поклонников).

В семидесятые ООП развертывает масштабную деятельность в Бейруте — городе, который вплоть до середины десятилетия оставался столицей новаторской арабской культуры. Вместе с организацией сюда в 1973 году переезжает и Дарвиш: структура ООП была одним из немногих мест в мире, где его ждали и в нем нуждались. Занимался он, впрочем, только культурной работой, хотя даже в ней ему не давали особо развернуться: показательно, что, когда Арафату